

Перешагнувшая Ла-Манш

Аннотация. - 1994. - 9 февр. - с. 7.

...Хачапури были особенно вкусными. И горячими. Настолько горячими, что из надкушенного слоеного теста выползали не сыр и не творог, а нечто, подобное испаряющейся лаве. Ленивыми кистями свисал с краев вазы кахетинский виноград. Заиндевелое шампанское тоже предвещало массу удовольствий, но все равно основой стола были пахучие кавказские лепешки с кисловатой начинкой. Сытные, ни с чем не сравнимые и манящие к себе, как и само грузинское гостеприимство.

Дело было в Тбилиси, совсем рядом с проспектом Руставели, в середине 70-х. Группу журналистов, в которой довелось быть и автору этих строк, принимал у себя дома классик современной живописи народный художник СССР Ладло Гудиашвили. Будучи уже в годах, мастер был по-особому красив и, я бы добавил, возвышен в своей старости. Выглядел он стройным и изящным. Снежная шевелюра венчала мэтра словно короля белого золота. Говорил он, помнится, емко и необычно. С ледяным холодом хотя и без проклятий, отзывался о Сталине, считая его виновником самых печальных страниц своей биографии.

Ну а юность художника прошла, как известно, на Западе. Со знаменитым Модильяни, графические листы и полотна которого буквально взорвали своей угловатой нетрадиционностью парижский бомонд, молодой Ладло дружил крепко, по-настоящему. Помня об этом, он до конца дней своих боготворил и Монмартр, и всю Францию. А вот к англичанам относился, словно француз, с оттенком недоверия. Вскользь упомянул в нашем разговоре о том, что полтора века назад какие-то секретные агенты Лондона пытались, мол, заманить в свои сети... Пушкина, путешествовавшего в это время по Кавказу. А тот, дескать, наивно полагал, будто это знакомство поможет впоследствии изданию переводов его стихов в Британии.

С годами я почти забыл эту историю. Очень уж маловероятной она мне показалась с самого начала. Но вот приступил не так давно к корреспондентской работе в Британии и с сожалением узнал, что полное собрание пушкинских сочинений на

английском языке не стало явью по сей день. Правда, беда эта вполне поправима. Тем более, что уже нашелся весьма влиятельный и «обремененный» немалой властью энтузиаст, пообещавший издать на Темзе роскошный 12-томник к двухсотлетию со дня рождения поэта, которое будет отмечаться в 1999 году. Первые же тома должны выйти в свет уже сейчас, в 94-м.

Зовут этого замечательного человека Йейн Спруут. Он — заместитель министра прекраснейшей, на мой взгляд, «отрасли» во всем Соединенном Королевстве. Ведомство это именуется управлением «Националь-

Работа над изданием идет сейчас на Темзе полным ходом. Из 767 лирических стихотворений переведено уже 680. Сделано это, по-моему, великолепно, недаром к переводам подключены на конкурсной основе десятки лучших поэтов, прозаиков, драматургов и литературоведов из множества государств. «Для русских Пушкин означает гораздо больше, чем Шекспир для нас», — настаивает Спруут участников этой, без всякого преувеличения, крупной международной акции гуманитарного характера. — В перечне величайших писателей всех времен и народов он занимает по крайней мере пятое место».

Пушкиниана продолжается в пространстве и времени

ного наследия» и объединяет в огромной сфере своего влияния все то, что имеет отношение к британской истории, культуре, традициям, физическому и духовному здоровью нации. Вообще-то говоря, Спруут по роду основных своих обязанностей отвечает за спорт и туризм. Если и занимается время от времени издательской деятельностью, то главным образом в связи с подготовкой справочников для любителей крикета. И тут вдруг — Пушкин?

— Отдыхал я однажды в Австрии, на берегу Дуная, — рассказывает Спруут корреспонденту «Таймс мэгэзин». — Раскрыл там «Арапа Петра Великого» и, представьте себе, буквально влюбился в творчество его автора, прочитав первый же абзац.

Со временем эта влюбленность переросла в нечто большее — в готовность щедро поделиться очарованием пушкинских строф с соотечественниками, жителями всех англоязычных стран. Окончательно созрело это решение в 1987 году, когда Спруут возвращался однажды вечером по лондонской Пикадилли с экспозиции, приуроченной к полуторавековой годовщине смерти великого русского поэта. Возвращаясь, будучи потрясенным сознанием того, как много успел сделать Пушкин за столь короткую жизнь.

Не станем, конечно, спорить в отношении «призовых» мест. Разве есть для русского читателя в мировой литературе кто-нибудь ближе Пушкина, ставшего, по словам Достоевского, явлением пророческим! Следует, однако, в любом случае поклониться англичанину, который посвящает памяти гения России свои будни и праздники.

Ну а что же, интересно, можно разузнать о таинственной кавказской встрече молодого Александра Сергеевича с какими-то британскими агентами, о которой упомянул Ладло Гудиашвили? Соответствующие справки я попытался навести в лондонских библиотеках. Заглянул и в 91-й том отечественного «Литературного наследия», вышедший в свет двенадцать лет назад. И вот какая вырисовывается картина.

В июне 1820 года Пушкин, находившийся на Кавказских Минеральных Водах, действительно встретился с приезжим чиновником британской миссии в Иране — капитаном Эдуардом Уиллоком. Произошло это по чистой случайности в доме у Н. Н. Раевского. Догадывался ли поэт о том, что англичанин прибыл с разведывательно-подрывными целями, — неизвестно. Зато генерал А. А. Вельяминов, заступавший в то время на верховный кавказский пост вместо знаменитого А. П. Ермолова,

был убежден в тайном стремлении Уиллока «высмотреть» положение наших военных дел в Чечне и Дагестане, и потому распорядился «наблюдать за всеми его действиями и следить, кто у него бывает и как часто».

В одном из полицейских рапортов отмечалось, что среди представленных «тихому англичанину» россиян оказались «лейб-гвардии гренадерского полка поручик князь С. И. Мещерский 1-й, лейб-гвардии ротмистр Николай Николаевич Раевский и недоросль, находящийся в свите его высокопревосходительства генерала Раевского, Александр Сергеев Пушкин... Кончился же кавказский вояж Уиллока вскоре после этого в Нагорном Карабахе. Кончился скандалом — британский визитер был уличен в вербовке для персидских войск дезертиров из 42-го егерского полка русской армии. Посланник петербургского двора в Тавризе направил по столь неприятному поводу две резкие дипломатические ноты в Тегеран. Кому конкретно? Оказывается, брату знаменитого Пушкина — английскому поверенному в делах Генри Уиллоку.

...История в общем-то типичная для накаленных восточными интригами российско-британских отношений прошлого века. Средняя Азия, Кавказ, Черное море, Балканы — вот где столкнулись тогда две державы, два столь различных подхода к покоренным народам и землям. Остается разве что назвать имя того, кто подписался под двумя вышеупомянутыми нотами по поводу происков англичанина, злоупотребившего гостеприимством русских властей. Протестовал против такого поведения не кто иной, как Александр Сергеевич Грибоедов.

Впрочем, раз уж пришлось сослаться на мнение Йейна Спруута о Пушкине, Шекспире, да и в целом об очередности имен в мировой сокровищнице «изящной словесности», то упомяну напоследок вот еще о чем. Среди некоторых британских экспертов бытует уверенность, будто самым первым литературным опытом юного даркосельского лицеиста стал... перевод шекспировского «Короля Лира». Та загадочная рукопись, как утверждают, не найдена по сей день.

Павел БОГОМОЛОВ.
(Соб. корр. «Правды»)
г. Лондон.